

Глава 35. Переступая черту

С утра и до самого полудня Е Кайлян под надзором главы клана, старейшин и старосты затеял великую опись имущества.

Старик открыто потворствовал младшему сыну. В итоге старшей ветви — семье Е Чжэнкуня — отошли лишь комнаты в восточном крыле, где сейчас ютились супруги, да несколько участков на склонах и заливных полях, самых дальних от деревни.

Земли те были среднего качества, всего две му. Участков на склонах оказалось побольше — шесть му.

Любому здравомыслящему человеку такая делёжка показалась бы несправедливой, но Е Кайлян лишь упрямо твердил:

— Я на старости лет остаюсь с младшим сыном. Им кормить ещё два рта — меня и старуху. С чего бы это несправедливо?

Цзинь Лань, не ожидавшая от возвращения такой удачи, тут же подхватила:

— И то верно! Родители доживать век будут с нами. Брат, ты же знаешь, нашему младшенькому ещё Цзиньбао в людях учить, расходы огромные. Неужто вам не в радость, что в роду Е учёный человек появится?

Е Ишу всё это время хранил молчание, послушно стоя за спинами родителей.

Лишь бы разделить. Лишь бы скинуть с плеч этих присосок, пьющих кровь. Всё, что вырастет на поле, теперь будет их собственным. Только такая жизнь и может называться настоящей.

Делили всё: от комнат и полей до котлов, плошек и мётел... Кайлян не поленился пересчитать даже палочки для еды.

Е Чжэнкунь, обнимая жену и сына, смотрел, как мать с мелочной тщательностью распределяет вещи. Всё делилось на три части: одну — им, старшим, две оставшиеся — младшему брату.

В груди у него щемило, а в глазах жгло от того, с каким рвением родители старались поскорее выставить его семью за порог. Родной сын, одна кровь... Сколько он работал на этот дом с самого детства...

И всё лишь потому, что не умел красиво говорить. Потому, что не был так изворотлив, как младший брат.

Ши Пулю, словно чувствуя горечь мужа, прижалась плечом к его руке, безмолвно поддерживая.

— Всё разделили, — Ли Сынян посмотрела на Е Чжэнкуня с таким нескрытым презрением, будто перед ней была не плоть от плоти её, а досадная помеха.

Старейшины уже притомились. Кому охота тратить часы на семью, где при разделе имущества выгадывают даже каждую иголку?

Е Фэнминь, глава клана, выглядел совсем измождённым. Он ещё раз опросил обе стороны. Е Кайлян подтвердил, что вопросов больше нет.

Но тут голос подал Е Ишу:

— Глава клана, дедушка с бабушкой ещё не вернули мне серебро, что было дано в качестве приданого.

Все присутствующие разом обернулись к Е Кайляну. Тот, казалось, готов был сквозь землю провалиться — позор на всю деревню!

Но Е Ишу не заботился о чужом достоинстве. Он извлек на свет бережно хранимую расписку с отпечатками пальцев.

Среди старейшин нашлось несколько грамотеев. Бумагу пустили по рукам, и вскоре лица почтенных старцев посуровели.

— И как только в нашем клане завелось такое...

Приданое гээр по всем законам совести должно принадлежать либо родителям, либо самому гээр. Чтобы дед с бабкой, в обход отца и матери, прибрали к рукам эти деньги — дело неслыханное.

Е Фэнминь раздражённо бросил:

— Е Кайлян, верни серебро.

Ли Сынян, сверкнув глазами, повалилась было на землю, собираясь заголосить:

— Да где же его взять...

Но не успела она выкрикнуть и пары слов, как её грубо вздернули на ноги. Глянув через плечо,

старуха увидела невестку старосты и тут же прикусила язык.

— Потратил? — глухо спросил глава клана.

Е Ишу ответил вместо деда:

— Ушло на долги младшего дяди...

— Е Ишу! — рявкнул Е Кайлян.

Они тщательно скрывали, что Е Чжэнсун задолжал в игорном доме и ему грозило лишение руки. Хотя в деревне об этом и так шептались на каждом углу, признавать подобное перед лицом старейшин было невыносимо.

Глава клана, услышав упоминание о Чжэнсуне, мгновенно всё понял. Сопоставив время свадьбы Ишу и нужду в деньгах, он посмотрел на Кайляна с глубочайшим омерзением.

Какая порядочная семья станет продавать собственного гээр ради спасения непутевого сына? Тьфу! Весь род Е опозорили!

— Е Кайлян, — отчеканил Е Фэнминь, — как хочешь, но серебро ты обязан отдать.

Старик понурил голову.

— Ты сам затеял этот раздел. Раз уж в начале всё выгадывал до крупницы, так и последнее дело доведи до конца. Не тyani.

Кайляну оставалось лишь молча глотать обиду. Казалось, он вмиг постарел на десять лет, лишившись былой спеси.

— Хорошая земля стоит десять лянов за му, — прохрипел он. — Взамен тех денег отдам два му плодородной пашни, что у подножия горы.

«Прекрасно, — подумал Ишу, — теперь голодать не придётся».

Два му отличной пашни, два му средней земли и шесть му на склонах. Вполне достаточно.

— Решено. Завтра отправимся в управу переоформлять грамоты на землю, и на этом закончим, — подытожил староста.

Старики, не желая больше оставаться в этом доме, поднялись один за другим и, даже не взглянув на поникших хозяев, покинули двор, уводя за собой домочадцев.

Е Ишу увёл родителей в дом. Доумяо семенил следом.

В комнате Ишу и Доумяо опустились на лавки, храня молчание. Ши Пулю вдруг вздрогнула, отвернулась к кровати и, спрятав лицо, тихо разрыдалась. Горькие слёзы облегчения катились по её щекам.

На душе у Ишу было беспокойно. Он взял брата за руку и увел в свою комнату.

За закрытой дверью всхлипы матери стали глуше, но всё ещё были слышны. В этом плаче смешались и старые обиды, и несправедливость, но больше всего в нём было долгожданной свободы.

— Брат... — Доумяо чувствовал себя не в своей тарелке.

Ишу, нахмурившись, приподнял лицо мальчика за подбородок:

— Мазь помогает?

— Да, холодит приятно.

В свои десять лет Доумяо уже многое понимал. Осознав, что семья окончательно разделилась, он обессиленно рухнул на кровать.

— Брат, теперь папе не придётся так много вкалывать?

— Не придётся.

— И маму бабушка больше не будет бить?

— Угу.

— Значит... теперь я смогу есть куриные ножки, а не только гузки?

Ишу насмешливо фыркнул:

— Захочешь ножку — сам и добывай.

Доумяо сжал губы и вдруг расплылся в широчайшей улыбке. Глядя на затянутые паутиной балки потолка, он выдохнул:

— Как же хорошо, что мы разделились.

— Брат, как же это здорово! — его глаза сияли, когда он с жаром повторил эти слова.

Ишу лишь вздохнул:

— Жаль только, пятнадцати лянов недосчитались.

— Что? — Доумяо резко сел.

Он сосредоточенно свел брови к переносице, почесал в затылке, а потом вдруг звонко хлопнул в ладоши:

— Я знаю!

— Младший дядя на свою зазнобу потратил целых тридцать лянов!

Ишу нахмурился и, ухватив мальчишку за плечо, спросил:

— Откуда такие вести?

Доумяо стушевался, забегал глазами:

— Да... на улице все об этом болтают.

Ишу негромко хмыкнул и, легонько крутанув ухо брата, бросил:

— Меньше слушай всякую чепуху.

— Знаю, знаю...

Во дворе воцарилась тишина. Внезапно хлынул ливень, с шумом забарабанив по крыше.

Ишу и Доумяо сидели бок о бок, отрешённо глядя во двор. Влажный ветер ворвался в дом, и в

этот миг все тревоги, копившиеся в сердце, словно распутались и улеглись.

Слушая шум дождя и затихающие всхлипы матери, Ишу почувствовал, как на губах сама собой расцветает улыбка. Искренняя, яркая, она озарила всё его лицо.

Наконец-то. Свободны.

Струи воды, стекавшие с карниза, образовали сплошную завесу. Братья сидели, вытянув ноги и лениво переговариваясь под шум ливня.

— Кажется, папа тоже плакал.

— Ну и что? Ты вон тоже постоянно ревьешь.

— Ого... значит, взрослым мужчинам тоже бывает обидно.

— Всем бывает обидно...

Пока они так сидели, совсем стемнело.

Е Ишу прикрыл глаза, погружаясь в дремоту, но вдруг почувствовал, как что-то коснулось его руки.

Он лениво потянулся в ответ и наткнулся на мокрую собачью шерсть, от которой разило псиной. Ишу открыл глаза.

А-Хуан, неизвестно когда прокрававшийся в дом, неистово вилял хвостом. Ишу уперся рукой в лоб псу, не давая тому запрыгнуть на себя. Он заметил, что дверь полуоткрыта, а его плечи заботливо укрыты ватной курткой.

Сбросив одежду, Ишу решил выйти умыться.

Едва переступив порог, он увидел под навесом у очага доктора Суна. Тот, засучив рукава, стоял прямой и стройный, точно молодой бамбук.

Е Ишу вскинул бровь, невольно прикусив губу.

«А он быстро освоился, — подумалось ему, — уже хозяйничает у нашего очага».

Он подошёл к бочке, собираясь зачерпнуть воды. В тот же миг чья-то рука, прикрытая рукавом, мягко перехватила его ладони и приподняла их. Ковш горячей воды вылился в таз.

Ишу поднял взгляд. Сун Чжэньцзинь склонился к нему; алое пятнышко на его шее всё ещё не сошло.

Зубы Ишу снова непроизвольно сомкнулись на нижней губе.

Сун Чжэньцзинь убрал руку и негромко произнёс:

— Умывайся.

Е Ишу попробовал воду и с плеском опустил руки в таз. Краем глаза он заметил сложный, трудночитаемый взгляд отца, который раздувал огонь в очаге.

Ишу нарочито громко заплескал водой.

Е Чжэнкунь глухо кашлянул:

— Ишу, мы тут с матерью посоветовались... Решили построить свинарник, купить кур, уток и пару поросят на откорм. Раз с торговлей не вышло, придётся так...

Ишу вытирал руки протянутым ему полотенцем. Он бросил мимолётный взгляд на доктора Суна и принял его помощь.

Заметив, что отец украдкой наблюдает за ними, Ишу вдруг спросил:

— Папа, когда свинарник ставить будем? Зови, я помогу.

Чжэнкунь от неожиданности едва не выронил полено. Он тут же усердно принялся ворошить угли и пробормотал:

— Похоже, дождь ещё на пару дней затянется. Как распогодится, так и начнём.

— Хорошо. Где ставить думаешь?

— Позади восточного флигеля.

Ишу кивнул, вылил воду и подошёл к уличному очагу.

— Может, стоит и кухню новую пристроить? Здесь совсем неудобно.

Отец замялся:

— Новая кухня — это расходы на брёвна... Обойдёмся пока.

— Обойтись-то можно, — возразил Ишу, — да только бабушка будет видеть каждый кусок в наших площадках. Не удивлюсь, если тот рецепт шашлычков именно так к ней и попал.

Чжэнкунь мгновенно посерьёзnel. Память о загубленном деле всё ещё саднила. Глупо было надеяться на спокойную жизнь, пока семейный очаг на виду у родителей, благоволящих младшему сыну.

Прикинув, сколько серебра удалось скопить, Е Чжэнкунь решил, что на дерево хватит.

Вскоре вернулись Ши Пулю и Доумяо, неся свежий тофу. Хозяйство у очага перешло к матери, и Е Ишу увёл доктора Суна в свою комнату.

Пусть в доме было так же зябко, как и снаружи, зато ледяной ветер не гулял по углам. Ишу усадил гостя на табурет и подал чашку горячей воды. Сам же, примостившись на краю кровати, обхватил коленями спинку стула, пытаясь согреться.

— Нашёл все недостающие травы?

— Нет, — доктор Сун поспешно отвернулся и прикрыл рот рукой, подавляя чих.

Ишу заметил, как покраснели его уши, а от одежды потянуло сыростью. Он протянул руку и коснулся края его халата:

— Ты же насквозь промок.

Ишу поднялся, прикрыл дверь и принёс из соседней комнаты одежду отца.

— Переоденься.

Сун Чжэньцзинь потер кончик носа:

— Не стоит, мне скоро уходить.

Ишу, не слушая возражений, приложил ладонь к его лбу.

Доктор замер, не смея пошевелиться.

— Брат, неужто брат Сун захворал? — Доумяо просунул голову в дверной проём.

Сун Чжэньцзинь словно очнулся. Он отступил на шаг, и в этот момент на него обрушился ворох одежды, брошенный Ишу.

— Быстро переодевайся.

С этими словами Ишу выставил Доумяо за дверь и вышел сам. Послышался сухой щелчок засова.

Сун Чжэньцзинь остался один в тесной комнатке. Он стянул с головы одежду и положил её на табурет.

Комнатка была совсем крошечной: кровать да пара стульев — и повернуться негде. Доктор коснулся пальцами своего лба, а затем его рука нерешительно замерла на поясе.

Это ведь спальня Ишу... Разве подобает мужчине...

«Может, лучше не надо?» — мелькнула мысль.

Е Ишу, привалившись спиной к двери, смотрел на Доумяо. Не слыша за спиной никакого движения, он негромко бросил:

— Если не поторопишься, я войду и сам тебя переодену!

Пальцы Сун Чжэньцзиня дрогнули. Он лихорадочно распутал завязки пояса и поспешно облачился в плотную ватную куртку Е Чжэнкуня.

Доктор был высок, широкоплеч и строен. Одежда отца сидела на нём мешковато, но вполне сносно.

Опасаясь, что Ишу действительно ворвётся, он переделся в мгновение ока. Едва он сложил свои мокрые вещи, дверь отворилась.

Он невольно напряг спину, но, увидев Доумяо, облегчённо выдохнул.

— Брат Сун, мой брат пошёл варить имбирный отвар. Он велел тебе никуда не выходить, — Доумяо устроился на табурете и в упор уставился на гостя.

Сун Чжэньцзинь не выдержал этого пытливого детского взгляда и спросил:

— Что ты на меня так смотришь?

Мальчик честно ответил:

— Брат велел мне за тобой приглядывать.

Доктор невольно усмехнулся.

— Хорошо, я никуда не уйду.

Зимой темнеет рано, а в ненастный день и вовсе сумерки сгустились к середине часа Петуха.

Узнав, что доктор Сун промок до нитки, Е Чжэнкунь с женой настояли, чтобы Ишу немедля проводил его домой.

Стоя под зонтом, Е Ишу подумал: «Родители, похоже, и впрямь видят в нём зятя».

— О чём вздыхаешь? — слышался над ухом голос доктора.

Ишу покосился на него:

— О тебе вздыхаю.

— Обо мне? — Сун Чжэньцзинь обернулся, слегка наклонив зонт. — Неужто я чем-то прогневил тебя, А-Шу?

Ишу глянул на А-Хуана, который семенил рядом, забрызгивая лапы грязью, и усмехнулся:

— Всего нет. Просто... беспокоюсь о тебе.

Сун Чжэньцзинь, решив, что речь о простуде, мягко ответил:

— Пустяки, ничего со мной не случится.

Ишу проводил взглядом тусклый свет фонаря перед ними и лишь коротко отозвался:

— Угу.

Едва они вошли во двор дома Сун, как до их ушей донёлся раскатистый, громоподобный храп. Е Ишу замер и тут же развернулся, намереваясь уйти.

— Доставил в целости, теперь и мне пора.

Не успел он сделать и двух шагов, как его руку перехватили. Хватка была крепкой, точно стальные тиски, и Ишу пришлось невольно отступить.

Они оказались лицом к лицу. Ишу перевёл взгляд с напряжённого лица доктора на сжатое запястье и с улыбкой спросил:

— Что это значит? Домой не отпустишь?

Сун Чжэньцзинь поджал губы и проговорил тихим, низким голосом:

— Поздно уже. Горные тропы размыло, не дойдёшь.

Он увлёк Ишу в дом, поставил фонарь и зажёл свечу.

Е Ишу опустился на стул у письменного стола, подперев подбородок рукой. Вид у него был сонный и недовольный.

— Похоже, ночь предстоит весёлая... — проворчал он с сарказмом.

Сун Чжэньцзинь, взглянув на него, не смог сдержать улыбки.

— Пойду согрею воды. Будешь мыться?

Ишу лениво приподнял веки, посмотрел на него и медленно кивнул.

Когда доктор вышел, Ишу какое-то время сидел неподвижно, оглушённый долетающим со всех сторон храпом. Голова начала раскалываться. Не выдержав, он поднялся и вышел на кухню.

Сун Чжэньцзинь, подкинув дров, сидел перед очагом.

У его ног калачиком свернулся А-Хуан, похожий на большую золотистую булку; пёс положил голову на сапог хозяина и мирно спал. Услышав шаги, А-Хуан лишь лениво дернул ухом и разок вильнул хвостом, даже не открыв глаз.

Сун Чжэньцзинь сидел прямо, словно сосна. Блики огня плясали на его бледном лице, отражаясь искрами в глубоких глазах.

Ишу вдруг произнёс:

— Может, тебе всё-таки написать бумагу о разводе и отпустить меня домой?

— Сон — дело святое. Если не выспаться, и состаришься быстрее, и здоровье пошатнётся. Ты врач, тебе ли не знать.

Сун Чжэньцзинь вздрогнул и внезапно спросил:

— А как тебе спалось прошлую ночь?

Вспомнив те ощущения, Ишу почувствовал, как по коже пробежал приятный холодок. Но вслух лишь бросил:

— Сносно.

Доктор тихо рассмеялся и снова отвернулся к огню.

Ишу придвинул свой табурет поближе, пока его носок не упёрся в зад А-Хуана.

— Так что скажешь? Согласен?

Сун Чжэньцзинь смотрел на яростное пламя в очаге. Его голос прозвучал едва слышно:

— Мы ведь уже договорились.

Ишу хмыкнул:

— Ну, смотри. Если сам в итоге попадёшься в ловушку, не говори, что я не предупреждал.

— В какую ловушку? — Сун Чжэньцзинь обернулся к нему.

Ишу лишь зубами скрипнул. «Притворяется он или и впрямь не понимает?»

Больше они к этой теме не возвращались. Когда вода согрелась, Ишу быстро вымылся и устроился в спальне перед жаровней с углями.

Когда волосы почти просохли, вошёл доктор Сун — разгорячённый после купания, с влажными волосами, рассыпавшимися по плечам. На бледной коже проступил лёгкий румянец. Настоящий красавец, глаз не оторвать. Ишу без тени смущения рассматривал его.

Доктор, почувствовав на себе этот взгляд, покраснел до кончиков ушей. Ишу, удовлетворенный произведённым эффектом, поднялся и уступил место у жаровни.

— Я спать. — С этими словами он забрался на кровать. Пока за стеной на мгновение затихло, нужно было скорее уснуть.

Сун Чжэньцзинь хотел что-то сказать, но промолчал. Он замер перед тлеющими углями, точно вкопанный, и долго сидел неподвижно.

Е Ишу уже начал проваливаться в сон, когда сосед за стеной, будто назло, выдал особенно оглушительную руладу.

Ишу подскочил на месте, дико озираясь спросонья. Осознав, что он всё ещё в доме Сун, он бессильно рухнул обратно на подушки, закрыв лицо руками.

«А что, если оставить записку и сбежать домой?»

Он скинул одеяло и начал было нащупывать одежду, как вдруг заметил силуэт, сидящий у кровати. Сердце ушло в пятки; Ишу едва сдержался, чтобы не лягнуть незваного гостя.

— Не спится?

— Мне далеко до твоего спокойствия, доктор Сун.

Послышался тихий смех, который тут же растаял в тишине. Ишу, раздражённо пригладив волосы, буркнул:

— Я...

— Может... ляжешь здесь? — Сун Чжэньцзинь чуть подвинулся, освобождая место. В темноте был виден лишь его неясный контур.

Ишу уставился на свободный край постели и мрачно отозвался:

— Боюсь за твою непорочность.

— Обо мне не беспокойся, а твоя честь...

Сун Чжэньцзинь вдруг осекся. Он поднял взгляд на Ишу.

«Боги, что я творю?»

Его сердце забилося так неистово, что, казалось, этот грохот слышен на всю округу. Он невольно прижал руку к груди, боясь, что Ишу заметит его волнение. Прошло немало времени, прежде чем он смог отдышаться.

Ишу, не дождавшись продолжения, зевнул и натянул одеяло на голову. Нашарив ногой свой узел с вещами, он выудил из него ватную куртку. Ловко распоров подкладку, он вытянул два клочка ваты и плотно заткнул ими уши.

Пнув узел обратно под кровать, Ишу забылся сном.

А вот доктору Суну пришлось несладко. Впервые в жизни его настигла бессонница.

Он лежал, не смыкая глаз, и смотрел на свернувшийся под одеялом кокон. Дыхание Ишу тонуло в раскатистом храпе из соседней комнаты.

У Сун Чжэньцзиня защипало в глазах. Он сжал губы в узкую линию и лишь спустя долгое время заставил себя отвести взгляд.

«Я переступил черту».

Давно... Он уже очень давно переступил черту.

Сердце колотилось в груди, но мысли были кристально ясными. Он отбросил все сомнения и, взглянув правде в глаза, осознал причину своего беспокойства.

«А-Шу мне дорог. Он мне мил».

Стоило признать это, как все его поступки выстроились в единую, логичную цепь.

Душа его бушевала, точно штормовое море, но холодный внутренний голос бесстрастно твердил: «Так и должно было случиться. Это было неизбежно».

Тело Сун Чжэньцзиня одеревенело, он из последних сил сдерживал рвущиеся наружу чувства. Когда мышцы начало сводить от напряжения, а бешеный ритм сердца чуть замедлился, он наконец тяжело выдохнул.

Силы покинули его, и он мешком осел на постели. Его била мелкая дрожь, а костяшки пальцев

побелели от того, с какой силой он сжимал одеяло. Память, точно прорвавшая плотину река, унесла его в прошлое.

В восемь лет его отдали в ученики. В десять он очнулся от пелены горя после гибели семьи. До пятнадцати лет он жадно впитывал знания учителя, пока тот не сказал, что учить его больше нечему, и не велел отправляться в уезд.

Поскольку его отец вёл беспутную жизнь, учитель поставил условие: сын не должен видаться с родителем. Поэтому Сун Чжэньцин никогда прежде не возвращался домой.

Лишь перед отъездом из городка наставник позволил ему навестить в деревню Шанчжу, чтобы проверить, как там дела.

В тот день он не застал отца в доме. Деревенские сказали, что старик, напившись, бродит где попало: то в стогу чужом уснёт, то в придорожной канаве.

Пятнадцатилетний Чжэньцин, не по годам серьёзный, обыскал всю деревню и даже забрел в предгорья, где и встретил Е Ишу.

Тогда А-Шу был всего лишь одиннадцатилетним ребёнком. Когда Сун заглянул в яму, ему больше всего запомнились эти глаза — глаза маленького волчонка, полные упрямства и дикой ярости.

Он до сих пор помнил первую фразу маленького А-Шу: «Эй, парень, помоги-ка мне выбраться».

Тот был младше него, а называл «парнем».

Чжэньцин, конечно, вытащил его, но А-Шу подвернул ногу и не мог сам спуститься с горы. Доктор предложил отнести его домой и перевязать рану, но мальчишка, не проронив ни слезинки, наотрез отказался.

Оставлять ребёнка одного в лесу было нельзя, и Чжэньцин настоял на том, чтобы проводить его.

А-Шу милостиво разрешил и даже похлопал его по плечу, веля везти на закорках.

В ту пору Чжэньцин был нелюдим. Кроме сына учителя, у него и друзей-то не было. Он терпеть не мог чужих прикосновений.

Но, повинувшись какому-то странному порыву, он подставил спину и отнёс маленького А-Шу вниз.

У подножия горы тот потребовал, чтобы его спустили на землю. Видя, как нелегко приходится этому малышу и что он ранен, Сун пообещал принести лекарство.

А-Шу отрезал, что ему ничего не нужно. Тогда Чжэньцзинь сказал, что оставит снадобье в дупле старой акации у той самой ямы.

Времени у него было в обрез, а отца он так и не нашёл, поэтому он быстро оставил флакон и ушёл.

Но позже, когда он поднимался на гору и проходил мимо той уже полусасыпанной ямы... он понял, что гордый А-Шу так и не пришёл за лекарством.

Прошло столько лет, но это воспоминание, стоит лишь о нём подумать, разгоняло туман в его голове, становясь предельно чётким.

То была единственная яркая искра в его безрадостном детстве.

Маленький А-Шу тоже носил красное. Видно, та одежда была перешита из материнского платья и совсем выцвела от стирок.

Вспоминая его всклокоченные волосы и чумазое, исхудавшее личико, Чжэньцзинь понимал — он узнал бы эти глаза из тысячи.

Позже, когда они встретились вновь, он подсознательно связал нынешнего Ишу с тем мальчишкой из прошлого. Ему хотелось помогать ему, оберегать.

Нынешний А-Шу остался таким же ярким, даже стал ещё более дерзким. Его пылкая натура манила Чжэньцзиня, привыкшего к одиночеству, точно мотылька на огонь.

Он думал, что они останутся просто врачом и родственником пациента, но воля их отцов и семьи Е крепко связала их судьбы.

Случайная встреча в детстве обернулась узами, которые теперь впились в самую его плоть.

Всё, что он делал для Ишу, было продиктовано велением сердца, слепым инстинктом.

Но теперь, оглядываясь назад, он понимал — он вовсе не был беспристрастен.

В каждом его шаге, в каждом слове он переступал черту.

<http://bllate.org/book/13660/1588299>